

УДК 329.7

UDC 329.7

**КУЛЬТУРНО-СИМВОЛИЧЕСКОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРОТЕСТА****CULTURAL AND SYMBOLIC
DIMENSION OF POLITICAL
PROTEST****Р. М. Ключник,***кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии
и международных отношений**Университета имени Альфреда Нобеля***R. Kliuchnyk,***PhD in Political Science, Associate
Professor of the Department of Political
Science and International Relations,
University named after Alfred Nobel*

Поступила в редакцию 21.09.18.

Received on 21.09.18.

Автор исследует малоизученную в постсоветской политической науке тему, посвященную культурно-символическим аспектам политического протеста. Рассматриваются факторы, сущность, специфика и влияние политической культуры на формирование протестного поведения. Проанализирована роль политического мифа в консолидации участников протестного движения. На конкретных примерах доказана важность политической символики в организации политического протеста. Для иллюстрации основных положений статьи использованы примеры стран Европы, СНГ, стран Африки и Китая. Отмечено, что спортивные события часто используются в качестве площадки для демонстрации протестных настроений. Рассмотрены основные механизмы формирования образа врага в условиях развития протестного движения. В статье использованы системный, структурно-функциональный, сравнительный и другие методы.

Ключевые слова: политический протест, политический кризис, политический миф, политический символ, политическая культура.

The author explores the topic of cultural and symbolic dimension of political protest that is little-known in post-Soviet political science. The factors, essence, peculiarities and influence of political culture on political protest are considered. The role of a political myth in consolidation of political protest participants is analyzed. The importance of political symbols for political protest organization has been proved with the use of examples. The main theses of the article are supported by the cases of European states, post-Soviet states, African states and China. It is highlighted that sport events are often used to demonstrate protest intensions. The main mechanisms of an enemy image forming under protest movement development have been considered. The system, structure and functional, comparative and other methods have been used.

Keywords: political protest, political crisis, political myth, political symbol, political culture.

Введение. Протест – одно из самых ярких проявлений политического участия населения. В условиях представительской демократии, когда народные избранники получают иммунитет на фиксированный срок, граждане утрачивают возможность непосредственно влиять на принятие решений. Безусловно, существуют практики отзыва депутатов, а также референдумы, обсуждения, электронные петиции, призванные сохранить за гражданином право участия в управлении страной. Однако, учитывая опыт постсоветской (да и западноевропейской) действительности, мы понимаем, что в отдельных случаях для пересмотра определенных решений в свою пользу может ис-

пользоваться организованное проявление общественного недовольства политическим курсом – то, что мы называем политическим протестом.

Цель нашей статьи – дать комплексную оценку культурно-символическому измерению политического протеста, а именно роли политической культуры, мифологической и символической составляющих в динамизации протестного движения.

Протест проявляется не только в действиях граждан (митинг, демонстрация, саботаж, забастовка, вооруженное противодействие представителям органов правопорядка). «Протест на улицах» тесно связан с «протестом в головах», то есть с создани-

ем особого «протестного мировоззрения, философии неповиновения и альтернативной политической картины мира». Культурно-символическое измерение политического протеста становится неотъемлемой частью национального политического дискурса.

Основная часть. Общеизвестной в политологии является классификация политических культур на приходскую, подданническую и культуру участия, предложенная Г. Алмондом и С. Вербой. Однако их классификация была усовершенствована Ф. Хьюнksom и Ф. Хикспурсом, которые выделили три типа пассивных политических культур («приходская», «подчинения», «наблюдателей») и шесть типов активных культур («протестная», «клиентистская», «автономная», «гражданская», «участия», «гражданского участия»). Первые три типа характеризуются низким уровнем участия населения в политической жизни, более того, уверенностью в невозможности оказывать влияние на власть [1].

Соотнося уровень поддержки протестного поведения с той или иной политической культурой, А. В. Кученкова отмечает, что одобрение протеста в одних странах связано с наличием характерных черт активной политической культуры (Чехия, Израиль, США и т. д.), в других странах – пассивной (Испания, Португалия, Польша и т. д.). В случае с низким уровнем поддержки права на акции протеста ситуация более однородна: все страны обладают чертами пассивной политической культуры (Ирландия, ЮАР, Венесуэла, Южная Корея и т. д.) [2, с. 227–231].

Протестное движение практически всегда формируется одновременно (или вслед за) созданием определенного политического мифа как стереотипного и эмоционально окрашенного восприятия людьми и обществами политической реальности и по своему рациональному суждению об этой реальности. Иными словами, миф существенно упрощает рядовым участникам политического процесса ориентацию в нем и политический выбор. Миф на первый план массового сознания выводит порой именно самую важную сторону политической реальности, но только одну сторону – ту, которая используется для нужд мобилизации участников политического процесса, к другой стороне дела он остается безучастным. Логика функционирования политического мифа

объясняет природу инверсии в представлениях современников о политике. Российский политолог Н. Шестов приводит пример такого мифа: отождествление инструмента политики, каковым являются коммуникации, с ее практическим результатом [3, с. 71]. Этот «миф о коммуникации» сказывается и на состоянии политического процесса: имеет место тенденция к переводу в формат многолетних переговоров и консультаций, бесконечных согласований и экспертиз, манипуляций информационными поводами и политическими повестками, а значит, к затягиванию на неопределенный и неопределяемый срок конфликтов, связанных с протестными движениями.

Еще одним распространенным мифом, разделяемым и поддерживаемым протестующими, является миф о «светлом будущем». Корни его – в утопических воззрениях Т. Мора и Ж.-Ж. Руссо, в крестьянских восстаниях Средневековья и декретах Парижской коммуны, марксистской парадигме всеобщего равенства и идеях всемирного демократического транзита С. Хантингтона. Большинство участников протеста стремятся к лучшей жизни, тем самым они поддерживают живучесть мифа об избавлении от проблем сегодняшнего дня путем достижения декларируемых целей. Истоки этого мифа – социально-экономические. Стоит согласиться с Е. Лукашевой в том, что образовался «заколдованный круг» – без благосостояния, «человеческого капитала» невозможно создать высокоразвитую экономику, а без такой экономики нельзя рассчитывать на развитие человеческого капитала [4, с. 19]. Этот круг воспроизводится отсутствием у государства средств обеспечения инновационной экономики и повышения благосостояния. Как следствие – «цветные революции» в странах СНГ, «Арабская весна», протесты современных ультраправых сил в Европе. Все упомянутые события во многом поддерживались искренним желанием протестующих приблизить «светлое будущее», которого, как им казалось, они заслуживали.

Миф о герое – еще один почти «обязательный» фактор динамизации политического протеста. Герой может быть реальной или вымышленной личностью, а также собирательным образом. М. Элиаде отмечал, что К. Маркс воспользовался одним из самых

известных эсхатологических мифов среднеземноморско-азиатского мира – мифа о справедливом герое-искупителе (в наше время это пролетариат), страдания которого призваны изменить онтологический статус мира [5, с. 173]. Протестующие и повстанцы левого толка в последнее столетие героизируют уже реальных персон: героем мифа перуанских леворадикалов стал индейский вождь Тупак Амару, непальских маоистов – основатель КНР Мао Цзэдун, среди левых протестующих всего мира популярен кубинский революционер Че Гевара, образ которого также мифологизирован.

Конструктивное воздействие на общественное развитие способен оказывать лишь такой социальный миф, в котором органично сочетаются два вышеуказанных уровня. А. Иванов называет такие социальные мифы «глобальными»: они воздействуют на общество на двух уровнях: восходят к древней архаике и могут умело использоваться правящей элитой. Так, в мифе о герое, актуальном практически во все времена, можно выделить, с одной стороны, ядро архетипического образа (происхождение героя, его качества, предназначение, взаимодействие героя со сверхъестественными силами, его борьба с врагами, испытания и т. п.), относящегося к «архаическому» уровню социальной мифологии; с другой стороны – конкретные коннотации образа героя, продиктованные текущими общественными процессами [6, с. 17].

Организаторы протестов широко используют образ врага для дискредитации и диффамации политической элиты. Эффективность использования образа врага организаторами протеста детерминирована многими факторами, в первую очередь, апелляцией к архаическим структурам бессознательного, интеграцией инстинктов участников, которые у большинства из них весьма похожи. В. Л. Римский полагает, что в результате этого социальное поведение крупных социальных групп, интегрированных образом врага, нередко начинает определяться этими архаическими инстинктами: ненавистью к чужим и агрессией по отношению к ним, одновременно страхом перед ними и стремлением продемонстрировать его отсутствие. В таких условиях образ врага становится инструментом управления крупными социальными группами на основе апеллирования

к этим архаическим инстинктам, проявлениям которых уже мало препятствуют высшие структуры психики, выработанные в человеческой культуре [7].

Образ врага часто используется на постсоветском пространстве с его хаотичной, неупорядоченной, сверхконфликтной политической жизнью. Формирование образа врага в России и Украине стало основным фактором идентификации оппозиционно настроенных граждан в качестве самостоятельного политического субъекта. Говоря о российских протестных движениях, Т. В. Евгеньева и В. В. Титов отмечают основные механизмы формирования образа врага: 1) стереотипизацию, с помощью которой конструируются негативные характеристики (коррупционеры, диктаторы); 2) атрибуцию, благодаря которой действующей власти приписываются «враждебные» намерения (фальсификация на выборах, преследования лидеров оппозиции и т. д.); 3) идентификацию, которая позволяет провести четкие различия между группами («мы – они», где «мы» – граждане, участвующие в политическом процессе своей страны, «они» – власть и некоторые поддерживающие ее группы); 4) персонификацию, в результате которой отдельные личности наделяются оппозиционной функциональной ролью «врага». Основным недостатком отрицательной политической идентификации, используемой оппозиционными политическими лидерами и общественными организациями России, ярко проявляется на современном этапе. Такого рода идентификация, при отсутствии позитивных оснований в виде общих образов и ценностей, а также целей и смыслов деятельности, впоследствии привела как к ряду конфликтов и расколов в руководстве оппозицией, так и к постепенному снижению массовой активности ее сторонников [8, с. 26].

Символическая составляющая протеста также важна для изучения политологами. Символ выполняет идентификационную функцию, выделяя участников протеста из тех, кто в нем не участвует. Наиболее очевидным примером являются цветные революции, где оппозиция использовала определенный цвет для самоидентификации: розы в Грузии, оранжевый цвет на Украине. Неофициальным символом движения антиглобалистов фактически стала маска Гая Фокса, которую, например, надевали участники

акции «Захвати Уолл-стрит». Символом протестного движения в России с 2011 г. стала белая лента. Символом движения за независимость Каталонии является эстелада – флаг, созданный на основе саньеры – сигнального флага. Греческие ультраправые, поддерживающие партию «Золотая заря», используют изображение греческого орнамента. В 2014 г. символом протестующих студентов в Гонконге стали зонтики, которыми участники закрывали лица от газа, используемого полицией. Протестное движение «Кмара» (то самое, которое привело к Революции роз в Грузии) использовало изображение сжатого кулака.

Интересной для организаторов протестов информационной площадкой являются Олимпийские игры. Как свидетельствует опыт протестной кампании Free Tibet (2008 г.), а также попытки «самобойкота» в Мексике в 1968 г. и Бразилии в 2016 г., сама идея проведения Олимпиады в определенной локации является фактором возникновения и развития протеста. Кроме того, спортсмены и национальные олимпийские комитеты также не упускают возможности обратить внимание на политические проблемы в неподходящей (с точки зрения спорта) ситуации.

Кроме специально придуманных опознавательных символов протеста, символическую роль могут играть и объекты материального мира, связанные с целями и задачами протестующих. В 2007 г. обострилась борьба пророссийски настроенных жителей Эстонии против политического курса страны. Символом их позиции стал памятник «Бронзовый солдат», который, по мнению премьер-министра А. Ансипа, должен был быть перенесен с площади Тынисмяги на военное кладбище. Столкновения сторонников и противников переноса памятника приобрели ярко выраженное ценностное значение.

Символы, установленные и / или навязанные в определенную эпоху, могут в следующий исторический период вызывать обратные чувства. В таких случаях символом может стать избавление от символа прошлого. Уже упомянутый «Бронзовый солдат» стал таковым для эстонского большинства Таллина. Локальная и / или региональная память отображается в особенностях городской идентичности отдельного населенного пункта. Город задает культурные и историче-

ские координаты, в которых формируется представление жителей о себе как жителях «этого» города [9, с. 25]. Кроме символического образа города в структуре городской идентичности важными являются особенности взаимодействия с городом, определенные тактики поведения. Для обозначения активного процесса сноса памятников Ленину на Украине появился термин «ленинопад». Очевидно, что наибольшее общественное внимание привлечет демонтаж памятников в больших городах и региональных центрах, а также там, где существовала сильная оппозиция протестному движению в Киеве [10, с. 28].

Говоря о персонализации образа протестующего, следует отметить, что далеко не всегда имя персонажа может быть известным и / или правдивым. Так, в 1989 г. в Китае на площади Тяньаньмэнь произошли события, известные как «бойня 4 июня». Инициаторами протестного движения выступали студенты, организованные в Независимый союз студентов Пекина. Рабочих, служащих и студентов разогнали с помощью танков; не обошлось без массовых жертв (от 400 до 800 человек) [11]. Самый известный снимок тех событий – неизвестный человек, в одиночку сдерживающий танковую колонну. Протестующий стал человеком-символом благодаря снимку Дж. Уайднера, репортера Associated Press. В дальнейшем Генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь заявил, что данный снимок доказывает сдержанность военных в те дни, а также опровергает намерения властей использовать армию для физического уничтожения протестующих [12].

Говоря о недавнем прошлом, стоит вспомнить человека, с которого началась «Арабская весна» – серия протестов и волнений в арабских странах, которые вылились в многолетнюю гражданскую войну в Сирии. Мощнейшее социально-политическое движение началось после практически бытового конфликта уличного торговца М. Буазизи с представителем полиции в Тунисе. Следует отметить парадоксальный факт: тунисцы больше, чем жители других стран Северной Африки, страдали от относительной депривации, невозможности реализовать свои ожидания при существующем общественно-политическом строе. Однако торговец решил отстаивать свои права; не получив поддержки властей, он совершил са-

моубийство. Впоследствии, после свержения президента Бен Али и смены политической элиты страны, его именем назвали площадь в Тунисе. Кроме того, личность протестующего высоко оценили правозащитники: он был посмертно удостоен премии Сахарова.

Заклучение. Таким образом, политический протест является многогранным и противоречивым феноменом, охватывающим все сферы общественной жизни. В условиях развития массмедиа и отчасти хаотичного формирования интернет-контента становится очевидным, что символизация протеста

лишь усиливается. Организаторы протестов умело создают мифы, манипулируя массовым сознанием, используя символы для идентификации «свой – чужой». Культурно-символическая составляющая протеста содержит в себе потенциал для нейтрализации его негативных сторон. Так, имея дело с протестами, политическая элита должна учитывать особенности политической культуры той или иной страны. Перспективами дальнейших исследований может стать возможность использования делиберативных (переговорных) технологий в условиях роста протестных настроений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Heunks, F. Political culture 1960–1990 / F. Heunks, F. Hiksloops // Moor I. Values in Western societies. Tilburg : Tilburg University Press, 1995. – P. 51–82.
2. Кученкова, А. В. Отношение к праву на протест в разных странах: опыт вторичного анализа / А. В. Кученкова // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2013. – № 2 (103). – С. 218–232.
3. Шестов, Н. И. Миф коммуникации в современных политических процессах / Н. И. Шестов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2017. – Т. 17. – Вып. 1. – С. 70–74.
4. Лукашева, Е. А. Политическая мифология и реалии политической и социальной жизни / Е. А. Лукашева // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2012. – № 3. – С. 5–35.
5. Элиаде, М. Аспекты мифа / Мирча Элиаде ; пер. с франц. В. П. Большакова. – 5-е изд. – М. : Академический проект, 2014. – 234 с.
6. Иванов, А. Г. Политика как пространство эксплуатации идеологиями социальных мифов / А. Г. Иванов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2017. – Т. 17. – Вып. 1. – С. 13–18.
7. Римский, В. Л. Образ врага как инструмент политики: формирование идентичности и социальные риски применения / В. Л. Римский // ВЦИОМ. – Режим доступа: https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/ks_obraz_vraga/rimskij_thesis_enemy_image.pdf
8. Евгеньева, Т. В. Образ «врага» как инструмент формирования политической идентичности в сети Интернет: опыт современной России / Т. В. Евгеньева, В. В. Титов // Информационные войны. – 2014. – № 4 (32). – С. 22–26.
9. Карповец, М. Міська ідентичність як відкритий проект людського буття // Гуманітарний часопис. – 2012. – № 2. – С. 20–27.

REFERENCES

1. Heunks, F. Political culture 1960–1990 / F. Heunks, F. Hiksloops // Moor I. Values in Western societies. Tilburg : Tilburg University Press, 1995. – P. 51–82.
2. Kuchenkova, A. V. Otnosheniye k pravu na protest v raznykh stranakh: opyt vtorichnogo analiza / A. V. Kuchenkova // Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedeniye». – 2013. – № 2 (103). – S. 218–232.
3. Shestov, N. I. Mif kommunikatsii v sovremennykh politicheskikh protsessakh / N. I. Shestov // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya. – 2017. – T. 17. – Vyp. 1. – S. 70–74.
4. Lukasheva, Ye. A. Politicheskaya mifologiya i realii politicheskoy i sotsialnoy zhizni / Ye. A. Lukasheva // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk. – 2012. – № 3. – S. 5–35.
5. Eliade, M. Aspekty mifa / Mircha Eliade ; per. s frants. V. P. Bolshakova. – 5-ye izd. – M. : Akademicheskii projekt, 2014. – 234 s.
6. Ivanov, A. G. Politika kak prostranstvo ekspluatatsii ideologiyami sotsialnykh mifov / A. G. Ivanov // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika. – 2017. – T. 17. – Vyp. 1. – S. 13–18.
7. Rimskiy, V. L. Obraz vraga kak instrument politiki: formirovaniye identichnosti i sotsialnyye riski primeneniya / V. L. Rimskiy // VTSIOM. – Rezhim dostupa: https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/ks_obraz_vraga/rimskij_thesis_enemy_image.pdf.
8. Yevgenyeva, T. V. Obraz "vraga" kak instrument formirovaniya politicheskoy identichnosti v seti Internet: opyt sovremennoy Rossii / T. V. Yevgenyeva, V. V. Titov // Informatsionnyye voyny. – 2014. – № 4 (32). – S. 22–26.
9. Karpovets, M. Miska identichnist yak vidkriytyy projekt lyudskogo buttya // Gumanitarnyy chasopis. – 2012. – № 2. – S. 20–27.

10. *Гайдай, А. Ю.* Ленинопад: избавление от прошлого как способ конструирования будущего (на материалах Днепропетровска, Запорожья и Харькова) / А. Ю. Гайдай, А. В. Любарец // Вестник Пермского университета. История. – 2016. – Вып. 2 (33). – С. 28–41.
11. *Kristof, N.* A Reassessment of How Many Died In the Military Crackdown in Beijing / N. Kristof // The New York Times. – Access mode: <https://www.nytimes.com/1989/06/21/world/a-reassessment-of-how-many-died-in-the-military-crackdown-in-beijing.html?pagewanted=all>.
12. Man Who Defied Tanks May Be Dead // The Los Angeles Times. – Access mode: http://articles.latimes.com/1990-06-03/news/mn-819_1_man-tank-pictures.
10. *Gayday, A. Yu.* Leninopad: izbavleniye ot proshlogo kak sposob konstruirovaniya budushchego (na materialakh Dnepropetrovska, Zaporozhya i Kharkova) / A. Yu. Gayday, A. V. Lyubarets // Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya. – 2016. – Vyp. 2 (33). – S. 28–41.
11. *Kristof, N.* A Reassessment of How Many Died In the Military Crackdown in Beijing / N. Kristof // The New York Times. – Access mode: <https://www.nytimes.com/1989/06/21/world/a-reassessment-of-how-many-died-in-the-military-crackdown-in-beijing.html?pagewanted=all>.
12. Man Who Defied Tanks May Be Dead // The Los Angeles Times. – Access mode: http://articles.latimes.com/1990-06-03/news/mn-819_1_man-tank-pictures.